

ГЛАВА 4

ООО “Демократия”

Являясь психически неуравновешенными по своей природе структурами, корпорации имеют обыкновение устранять препятствия, стоящие у них на пути. Правила, ограничивающие их свободу в отношении эксплуатации людей и естественной среды, являются именно такими препятствиями. И корпорации с переменным успехом в течение последних 20 лет борются с ними. Посредством лоббизма, вкладов в политику и изощренных кампаний в области публичных рилейшнз они и их лидеры сумели повлиять на государственный строй и в значительной степени на общественное мнение в нужном им направлении. В результате пострадали законы как средство защиты людей и окружающей среды от ущерба, наносимого корпорациями. Однако противостояние бизнес-структур правилам началось еще в незапамятные времена. Оно уходит корнями в самую суть института норм. Безусловно, самым эксцентричным примером за всю историю этого явления можно считать случай, когда группа ведущих банкиров и должностных лиц корпорации устроила заговор против президента Франклина Д. Рузвельта, который, с их точки

зрения, слишком далеко зашел со своими амбициями регуляторного характера. Они хотели посадить на его место фашистского диктатора. Эта история больше похожа на сюжет криминального триллера, однако все это происходило в действительности.

Вскоре после принятия присяги президента Соединенных Штатов Америки, весной 1933 года, Рузвельт разработал программу “Новый курс” — широкий и беспрецедентный свод законов регуляторного характера, направленных на усиление контроля правительства над работой крупных корпораций и банков. “Новый курс” отражал убеждения Рузвельта относительно того, что из Великой депрессии страна сможет выйти лишь в том случае, если “невидимую руку” рынка заменить прозрачной и благосклонной рукой правительства. Исходя из этих позиций, Рузвельт уточнил в законе, помимо всего прочего, новые права и гарантии защиты работников, облегчение долгового бремени фермеров, а также честность и открытость гарантий инвесторам. Впоследствии он так описывал свою задумку.

Слово “курс” предполагает, что само правительство также будет предпринимать позитивные действия в русле новых целей, а не стоять в сторонке в надежде, что глобальные экономические законы доберутся до них. Слово “Новый” предполагает, что новый распорядок вещей, разработанный с учетом интересов многочисленных фермеров, работников и бизнесменов, придет на смену старому, основанному на системе привилегий внутри нации, до предела возмущенной сложившимся распределением ролей... мы не должны довольствоваться малым и просто ожидать... воплощения идеалов в жизнь. Мы должны использовать средства и власть парламента, чтобы активно бороться за них... поскольку американская система продемонстрировала недостаток защиты личности от случаев злоупотребления личной эко-

номической властью, “Новый курс” наложит ограничения на власть такого рода [1].

“Новый курс” именно это и означал — он существенно ограничил свободу и полномочия корпораций. Хотя многие лидеры бизнес-кругов согласились с Рузвельтом, что “Новый курс” необходим для того, чтобы спасти капитализм от себя самого, особенно в период активности лейбористов и экономического упадка страны, многие все же пришли в бешенство, решив, что план Рузвельта подорвет американский капитализм. Именно поэтому группа активистов решила свергнуть правительство.

22 августа 1934 года, чуть больше чем через год после вступления Рузвельта на пост президента и спустя три дня после того, как Адольф Гитлер официально стал фюрером Германии, Сидли Дарлингтон Батлер, бывший генерал Морской пехоты США и один из наиболее уважаемых военнослужащих с огромным количеством наград, зашел в вестибюль гостиницы Беллвью в Филадельфии. Там его ожидал человек по имени Джеральд Мак-Гир, ветеран первой мировой войны, занимавшийся торговлей облигациями. Немного пошутив, Мак-Гир сказал Батлеру, что его командировала группа бизнесменов просить генерала организовать войска, захватить Белый дом и занять пост фашистского диктатора Соединенных Штатов Америки [2].

Многие крупные бизнесмены в то время считали фашизм заманчивым, особенно сравнивая его с “классовой ненавистью... проповедуемой Белым домом”, как Герберт Хувер отзывался о “Новом курсе” Рузвельта. Бенито Муссолини и Гитлер сократили размер государственного долга, остановили инфляцию, снизили размеры заработной платы и взяли под контроль работу профсоюзов Италии и Германии соответственно. Рузвельт же, наоборот, предал свой класс, как они считали, и теперь стремительно рушил американский капитализм. В июльском выпуске журнала *Fortune* за 1934 год воспевались достоинства фашизма и экономические чудеса, которые сотворил Муссолини.

Лэйрд Голдсборо, автор статьи, писал: “Хороший журналист должен видеть в фашизме древние достоинства своей нации, независимо от того, считаются ли они актуальными в данный момент истории” [3].

И действительно, в то время ряд крупнейших американских корпораций получали большие доходы от сотрудничества с Адольфом Гитлером. Компания *Adam Opel AG*, владельцем которой был немецкий производитель автомобилей, а контроль осуществляла корпорация *General Motors* (принадлежавшая в то время семье дю Понт), в 1937 году усилиями должностных лиц *GM* была превращена в концерн по выпуску военной техники. Она стала выпускать грузовики для немецкой армии, в том числе трехтонные автомобили под маркой *Opel Blitz*, совершавшие блицкриги на Польшу, Францию и Советский Союз. Они производили также детали для самолетов, в том числе двигатели для немецкого Юнкера [4]. Современная реклама продукции *GM* по телевидению восхваляет грузовики компании, которые использовались при строительстве дорог и мостов войсками союзников во времена второй мировой войны, — “некоторые люди говорят, что мы прокладывали путь к победе”, говорится в рекламе. Но никто не говорит о том, что компания помогала изготавливать грузовики и для армии противника.

IBM — компания, в которой господствует принцип “если вашему клиенту нужна помощь, вы мчитесь к нему”, сформулированный Ирвингом Владавски-Бергер, вице-президентом компании, ответственным, кроме всего прочего, за технологический и стратегический аспекты работы, — поспешила на помощь, когда Гитлер искал технического помощника по осуществлению нацистской программы, направленной на уничтожение, и по использованию рабского труда. *IBM* снабжала нацистов счетно-аналитическими машинами Холлерита, ранними прототипами компьютеров, в которых для подсчетов использовались перфокарты. Эдвин Блэк, автор книги *IBM and the Holocaust (IBM и геноцид)* говорит: “В главной конторе в Нью-Йорке

отлично понимали все, что происходило в Третьем Рейхе со всеми его машинами... и то, что эти машины размещались, как правило, в концентрационных лагерях, и то, что уничтожают евреев”. Как пишет Блэк, специалисты *IBM* занимались обслуживанием машин, инженеры *IBM* занимались подготовкой кадров для работы с ними и та же *IBM* поставляла перфокарты для машин, по крайней мере до 1941 года, когда Соединенные Штаты Америки объявили войну Германии [5].

Мотив сотрудничества *IBM* с нацистами, считает Блэк, “никогда не имел ничего общего с идеями фашизма... с самого начала речь шла исключительно о прибыли”, что полностью вписывается в аморальную природу корпорации. Корпорации не занимаются оценкой политических систем — ни фашистской, ни демократической — на основании принципов или идеологии. Единственный приемлемый критерий оценки фактов для корпорации — способствует или препятствует данная политическая система реализации эгоистичных интересов корпорации. Согласно Питеру Друкеру, который говорит, что “неоднократно обсуждал этот вопрос со старшим господином Уотсоном”, главой *IBM* на то время, у Томаса Уотсона были свои предубеждения для сотрудничества с нацистами. “Не потому, что он считал такое сотрудничество аморальным, — говорит Друкер, — а потому, что Уотсон, имевший отличное чутье в отношении PR, считал, что это рискованное мероприятие” с деловой точки зрения. Руководствуясь аналогичными соображениями, Альфред Слоун-младший, председатель компании *General Motors* в 1939, казалось, вообще не беспокоился о моральной стороне сотрудничества с фашистами. Немецкие дочерние компании были “весьма прибыльными”, отмечал он, высказываясь в защиту инвестиций *GM* в Германии, а немецкая внутренняя политическая ситуация “не имеет отношения к работе корпорации *General Motors*”. Хотя сейчас сотрудничество США с фашистами кажется шокирующим, не следует забывать, что многие современные американские корпорации имеют

дело со странами, в которых господствуют тоталитарный и авторитарный режимы, — опять-таки, потому что это выгодно [7].

Оглядываясь на 1930-е годы, время, когда американские корпорации открыто сотрудничали с нацистами, а многие бизнесмены полагали, что федеральное правительство представляет угрозу капиталистической системе, можно, по крайней мере, понять, почему группа успешных бизнесменов задумала такой сюжет развития ситуации, согласно которому страна должна была стать фашистской диктатурой. Свержение демократии казалось спасительным бизнес-планом, поскольку демократия угрожала реализации корпоративных целей. А Батлер был оптимальной кандидатурой для выполнения этой задачи, по крайней мере так считали Мак-Гир и его соратники.

Батлер всю жизнь был республиканцем, к тому же харизматичным оратором. Знаменитый герой войны — один из всего четырех человек, дважды удостоенных Почетной медали Конгресса, — генерал провел большую часть своей военной карьеры, защищая бизнес-интересы Соединенных Штатов Америки в странах Азии и Центральной Америки. Помимо этого, его любили ветераны, интересы которых он отстаивал перед правительством, добываясь более внимательного отношения к ним и максимальных льгот. Батлер был идеальной кандидатурой, чтобы поднять ветеранов, стать их лидером и захватить Белый дом.

Мак-Гир и Батлер виделись несколько раз до встречи в гостинице Беллвью. Годом раньше Мак-Гир напросился в гости к Батлеру, который проживал в Филадельфии, утверждая, что он представитель обеспокоенных ситуаций ветеранов, и попросил генерала выступить с речью на грядущем собрании Американского Легиона. Речь, копию которой Мак-Гир дал ему, должна была сплотить ветеранов против решения Рузвельта отказаться от золотого стандарта, что очень дорого обошлось бы банкам. Батлер, не сумев понять, почему ветеранов должен беспокоить золотой стандарт, отказался выполнить просьбу Мак-Гира. Через

несколько месяцев, в сентябре 1933 года, Мак-Гир снова нашел Батлера, в этот раз в Нью-Джерси, где передал генералу речь для выступления перед филиалом Легиона. Мужчины встретились в гостиничном номере Батлера, и Мак-Гир снова обратился к Батлеру с просьбой выступить с речью касательно золотого стандарта на собрании в Чикаго. По словам Батлера, Мак-Гир рассыпал по кровати целую пачку чеков по 1 000 долларов каждый и предложил воспользоваться этими деньгами для поездки в Чикаго. “Уберите деньги, пока кто-то не зашел и не увидел, — вспоминает Батлер свой разговор с Мак-Гиром, — потому что я не хочу со всем этим связываться” [8].

Когда спустя несколько недель двое мужчин встретились в гостинице Беллвью, у Батлера уже был список имен и должностей людей, чьи интересы отстаивал Мак-Гир. Среди них был, как вспоминал потом Батлер, Грейсон Мерфи, глава ведущей брокерской фирмы на Уолл-Стрит и директор треста *Morgan Guaranty Trust*, а также компаний *Anaconda Copper*, *Goodbye Tire* и *Bethlehem Steel*. Роберт Кларк — состоятельный банкир, с которым Батлер встречался после того, как потребовал от Мак-Гира представить ему некоторых из его покровителей, и который сказал Батлеру, что готов потратить половину своего состояния, оценивающегося в 30 миллионов долларов, чтобы защитить вторую его половину от Рузвельта, — был еще одним действующим лицом. Как, впрочем, и Джон Дэвис, потерпевший неудачу кандидат в президенты от демократической партии на выборах 1924 года, позже — поверенный компании *J.P.Morgan&Co.*

Собрание в гостинице Беллвью проходило в закрытом кафе за столиком, стоящим в самом дальнем углу. Мак-Гир начал с того, что сказал Батлеру, что провел последние шесть месяцев в Европе. Батлер так вспоминает суть разговора.

Он сказал: “Я поехал за границу, чтобы выяснить, какую роль играют ветераны в различных прави-

тельствственных структурах за рубежом. Я отправился в Италию на два-три месяца и ознакомился с положением ветеранов в этой стране, а также с фашистскими правительственными структурами, и выяснил, что они — основа правительства Муссолини... Затем я поехал в Германию, чтобы узнать, чем занимается Гитлер, и узнал, что основной его опорой также являются солдаты... Оттуда я поехал во Францию, и там я увидел образец именно такой структуры, к которой стремимся мы. Это организация из суперсолдат”. Он сказал мне, как это называется на французском, но я не запомнил. Да и потом, у меня все равно никогда не получалось это выговорить. Но я точно знаю, что эта организация состоит из членов множества других солдатских организаций Франции, преимущественно унтер-офицеров и офицеров. Он сказал мне, что их численность составляет примерно 500 000 человек, а каждый из них руководил еще примерно десятью людьми. Итого было около 5 000 000 голосов. И он сказал: “Итак, наша идея состоит в том, чтобы создать организацию такого плана здесь, в Америке” [9].

Мак-Гир сказал Батлеру, что по плану его покровителей предполагалось создать американскую версию *Сгоix de Feu* — французской военной организации, название которой Батлер не мог вспомнить, и поставить в ее главе генерала. Имея хорошо подготовленную армию и могущественных покровителей, Батлер мог потребовать от Рузвельта должности секретаря по общим вопросам — новой должности, на которой он фактически был бы помощником президента. Занимая это место, Батлер смог бы иметь реальную власть, а президент был бы лишь подставным лицом, особенно учитывая тот факт, что здоровье Рузвельта оставляло желать лучшего. Согласно задумке, если бы Рузвельт отказался сотрудничать по такой схеме, Батлер просто сверг бы его.

Журналист Пол Сокли Френч, также имевший беседу с Мак-Гиром, подтвердил рассказ Батлера.

Во время разговора он постоянно возвращался к идее человека на белой лошади, как он называл это, т.е. диктатора, который ворвется на белом коне. Он говорил, что это единственный путь спасения капиталистической системы — либо посредством прямой угрозы при помощи оружия, либо путем передачи полномочий при поддержке группы ветеранов.

Он заметно воодушевился, когда дело сдвинулось с мертвой точки, и сказал: “Мы можем поддерживать Рузвельта, а затем поступить с ним так, как Муссолини поступил с королем Италии”.

Это совпадает с тем, что он сказал генералу — что у нас будет секретарь по общим вопросам. Если Рузвельт пойдет на сотрудничество — хорошо; если же откажется — его придется просто вывести из игры [10].

Мак-Гир похвастался Батлеру во время их встречи, что деньги были при нем. Деньги для создания и вооружения армии ветеранов — 3 миллиона долларов с собой, плюс еще 300 миллионов долларов — на случай необходимости. Он сказал, что его покровители уже занимаются созданием тыла, который обеспечит тайную финансовую и практическую поддержку по реализации задумки. Через три недели было объявлено о формировании Американской лиги свободы — организации, занимающейся “борьбой с радикализмом, обучением уважению прав человека и собственности и способствующей частному предпринимательству”. Казначей лиги, Грейсон Мерфи, был босом Мак-Гира. Роберт Кларк был основным финансовым вкладчиком, люди из *J.P.Morgan* и *DuPont* занимали высокие корпоративные посты. Джон Дэвис был членом национального исполнительного комитета. Среди финансовых покровителей были некоторые крупнейшие концерны Аме-

рики: *the Pircair family, Andrew Mellon Associates, Rockefeller Associates, E.F.Hutton Associates*, Уильям Кнудсен из *General Motors* [11].

Однако Мак-Гир и его покровители сделали фатальную ошибку в выборе лидера. “С невероятным безрассудством, — пишет Джулий Арчер в работе *The Plot to Seize the White House (Как захватить Белый дом)*, — они поставили не на того человека” [12]. Как сам сюжет развития событий, так и люди, стоявшие за его реализацией, олицетворяли все, что Смидли Батлер презирал. По прошествии лет его юношеский пыл и рвение к сражениям за границей сменились фактически равноценным по своей силе желанием бороться с лицемерием у себя на родине. Он пришел к выводу, что войны были лишь последствием корпоративной ненасытности, что эти люди борются не за высокие идеалы, а за свою прибыль. 21 августа 1931 года — спустя полных два года с момента первой личной встречи с Мак-Гиром — Батлер ошеломил слушателей, когда выступил на собрании Американского Легиона в Коннектикуте и сказал следующее.

Я 33 года... был китом большого бизнеса для Уолл-Стрит и для банкиров. По сути, я был капиталистическим рэкетиrom...

Я помог очистить Никарагуа для международного банковского дома *Brown Brothers* в 1909–1912 годах. Я помог создать в Мехико и в особенности в Тампико условия, благоприятные для американских нефтяных компаний в 1916 году. В том же 1916 году я навел порядок в Доминиканской республике для развития американских предприятий сахарной промышленности. Я помог организовать на Гаити и Кубе работу по получению прибыли для *National Bank*. Я содействовал уничтожению десятков республик Центральной Америки в интересах Уолл-Стрит...

В 1927 году в Китае я помог компании *Standard Oil* наладить безопасную работу.. Вокруг моей персо-

ны было... столько шуму. Меня награждали знаками отличия, медалями, продвигали по службе... Я мог бы поделиться опытом с самим Аль Капоне. Самое большее, что он мог, — это заниматься рэкетом в трех городах. Морская пехота оперировала на трех континентах [13].

Батлер не собирался пополнять Соединенными Штатами Америки список стран, в которых он использовал военную силу для защиты корпоративных интересов США от популистских посягательств. 20 ноября 1924 года он рассказал о заговоре Комитету по антиамериканской деятельности на закрытом заседании, проходившем в Нью-Йорке. К этому времени генерал уже собрал максимально возможное количество сведений о заговоре. Его рассказ подтвердил Пол Френч, который также давал показания перед членами комитета. Комитет передал суть истории, рассказанной Батлером, со всеми ее существенными подробностями и направил сведения в палату представителей 13 февраля 1935 года.

В течение последних нескольких недель своего официального существования комитет получил доказательства, подтверждающие, что определенные лица страны хотели совершить попытку установления фашистского режима в стране...

Без сомнения, такой вариант развития событий рассматривался, обсуждался и мог быть воплощен в реальность, если бы финансовые покровители сочли бы это целесообразным.

Комитет получил доказательства от генерал-майора Смидли Д. Батлера (ныне в отставке), дважды удостоенного наград Конгресса Соединенных Штатов Америки. Он свидетельствовал перед комитетом по поводу своих разговоров с Джеральдом К. Мак-Гиром, в ходе которых последний, как сообщается,

выдвигал идеи создания фашистской армии под руководством генерала Батлера...

Мак-Гир под присягой отрицал заявления подобного рода, однако ваш комитет имел возможность проверить все относящиеся к делу заявления генерала Батлера за исключением непосредственно заявления касательно создания организации. Однако это подтверждает переписка Мак-Гира со своим начальником из Нью-Йорка, Робертом Стерлингом Кларком, которую они вели в период пребывания Мак-Гира за границей, во время которого он изучал различные формы организаций ветеранов фашистского характера [14].

После того как Батлер отказался сотрудничать с Мак-Гиром и его покровителями, а комитет единогласно подтвердил правдивость рассказа генерала, был раскрыт заговор против Белого дома.

“Не было ни доли сомнения в том, что генерал Батлер говорит правду”, — впоследствии вспоминал сопредседатель комитета Джон Мак-Кормак, давая интервью Арчеру в 1971 году. “Заговорщики однозначно ненавидели «Новый курс», поскольку он учитывал человеческие интересы, а не финансовые, и они были готовы вложить любые деньги, чтобы только избавиться от Рузвельта, — отметил Мак-Кормак. — Они отчаялись и решили изучить европейские методы, задумавшись о том, чтобы перенять их для Америки. Они отправили Мак-Гира в Европу, чтобы он изучил принципы работы фашистских организаций”. Насколько близка была Америка к фашизму? Этот вопрос заинтересовал Арчера. “Ну, — начал Мак-Кормак, —

если бы генерал Батлер не был таким патриотом своей страны и если бы заговор остался в тайне, он наверняка имел бы успех, если учесть обстоятельства, сложившиеся на то время... Если бы заговорщикам удалось избавиться от Рузвельта, страшно даже

представить, что могло бы случиться. Безусловно, они не стали бы рассказывать людям, что происходит. Понятно, что они собирались преподнести все в таком свете, чтобы это соответствовало положениям конституции, выбрав на роль диктатора человека с громким именем и разработав план, который производил бы впечатление достойной программы развития Америки. Хорошо организованное меньшинство всегда может одержать верх над неорганизованным большинством, как это было в случае Гитлера [15].

Сегодня, спустя 70 лет после неудачного государственного переворота, хорошо организованное меньшинство снова представляет угрозу демократии. Сейчас успешно реализуется долгосрочная поэтапная кампания по корпоративному развитию Америки, начавшаяся в последние десятилетия и направленная на получение контроля над правительством, — значительно более спокойная и, без сомнения, более эффективная, чем неумелые попытки заговорщиков. Без кровопролития, без привлечения армии и фашистских авторитетов, используя доллары вместо патронов, корпорации сейчас готовы получить то, к чему так отчаянно стремились заговорщики, — свободу от демократического контроля.

24 июля 2002 года девять доведенных до отчаяния работников угольных шахт ожидали спасения, плавая на глубине около 75 метров под пастбищем для коров в Пенсильвании. Каким-то чудом им удалось спастись от потока воды, затопившего их шахту после того, как они по ошибке пробурили соседний шахтный ствол, заполненный водой. В конце концов, шахтеров спасли после того, как они 78 часов продержались в воздушной пробке. Прилетев через неделю в город, президент Буш провозгласил, что мужество и стойкость шахтеров напомнили ему стойкость американского народа после событий 11 сентября 2001 года. “Их решением было держаться вместе и поддерживать друг друга, — сказал он. — В этом проявляется дух нашей

страны — когда один из нас страдает, то вместе с ним страдают все; чтобы добиться успеха, мы должны держаться вместе; вместе мы можем достичь больших перспектив и великих целей” [16]. По иронии судьбы именно на таком отношении держалась вера Рузвельта в преимущества системы правительственных постановлений, в том числе касательно техники безопасности в шахтах.

В 1941 году, когда Рузвельт был в Белом доме, Конгресс в значительной степени усилил режим соблюдения норм по защите шахтеров, уполномочив Федеральное бюро по вопросам работы шахт проводить контроль на наличие возможной опасности для работников. Хотя бюро существовало уже почти 30 лет, его компетенция прежде ограничивалась исключительно сбором информации и составлением отчетов. Теперь впервые работники данной структуры могли заставлять компании соблюдать предписанные законом правила техники безопасности. Вскоре предстояли дополнительные изменения. В 1952 году Конгресс принял Федеральный закон по защите работников шахт, предоставлявший бюро новые полномочия — составлять и издавать уведомления, закрывать шахты, в которых инспектора отмечали неизбежную опасность, и требовать ежегодного контроля работы шахт. В конце 1960-х годов закон стал еще более строгим, а в 1977 году был заменен новым законом — Законом по проблемам безопасности и здоровья шахтеров, объединившим положения касательно всех типов шахт и предполагавшим создание новой принудительной структуры — Департамента охраны труда и здоровья на шахтах (ДОТЗШ), пришедшего на смену бюро по вопросам работы шахт. В течение первого десятилетия работы новой структуры число ежегодных несчастных случаев на шахтах сократилось с 272 до 86 [17].

Не так давно администрация Буша ввела меры, которые могут вызвать обратный процесс в отношении защиты безопасности работников шахт. В период принятия первого на своем веку бюджета Джордж В. Буш добивался сокращений нормативной численности работников ДОТЗШ,

однако тогда большинство членов Конгресса (на то время преимущественно представители демократической партии) не поддержали этой меры. Затем, составляя бюджет на 2003 год, Буш предложил урезать расходы на программу агентства по соблюдению норм в добывающей промышленности на 4,7 миллиона долларов, что фактически означало сокращение 65 сотрудников, завершение программы по рентгеновскому обследованию шахтеров на заболевания легких и снижение контроля за соблюдением социально-ориентированных программ, технических проверок и, понятно, соответствия оборудования нормативам, а также снижение финансирования образования, подготовки специалистов и технической поддержки. Конгресс в новом составе, большинство членов которого составляли республиканцы, должен был согласиться с принятием внесенных предложений, однако после активного лоббизма со стороны Объединения горнорабочих Америки Комитет по ассигнованиям конгресса США проголосовал за сохранение этих 4,7 миллиона долларов в бюджете. В своем проекте бюджета на 2004 год Буш предложил экономию в размере 6,4 миллиона долларов на мерах контроля за соблюдением правил техники безопасности на шахтах [18]. Даже если в конце концов не будут приняты никакие из внесенных предложений, “ДОТЗШ [в силу прежних сокращений] не сможет должным образом проводить инспектирование, основанное на положениях закона”, — сказал ревизор организации в январе 2002 года. По словам руководителя Объединенного союза шахтеров Америки Джозефа Майна, положения закона, согласно которым шахту необходимо инспектировать каждые четыре года, редко соблюдаются, а осмотры, если и случаются, носят поспешный характер и весьма малоэффективны [19].

Иными словами, наводнение в Квикрике могло быть вызвано тем, что при работе шахтеры пользовались старыми неточными картами. На картах рудник, в направлении которого они и начали бурить, в результате чего затопило тоннель, в котором они находились, был обозначен на рас-

стоянии 90 метров от места, где они были. В течение предыдущих двух лет затопления, подобные тому, которое имело место в Квикрике, случались и на двух других шахтах, принадлежащих компании *Black Wolf Mining Company*, основной добывающей компании в регионе, и дочерней компании *PBS Coals*. Логично предположить, что если бы в агентстве было достаточно сотрудников и ресурсов, то они обеспечили бы шахтеров Квикрика точными картами, что предотвратило бы эти ужасные события [18].

Сокращение финансирования агентств, ответственных за соблюдение регуляторных положений законодательства, приобретает все большую популярность в рамках регуляторной системы, причем не только в отношении горной промышленности. Они, если и не преднамеренно, дерегулируют корпоративное поведение. Хотя все правовые стандарты остаются в силе, ликвидация механизмов принуждения означает, что они постепенно ослабевают и в свое время станут абсолютно неэффективными. Примеры сокращения финансирования работы агентств, регулирующих работу нефтяных месторождений Аляски, и Министерства труда (что подвергло риску успешное соблюдение положений Закона о справедливых условиях труда) рассмотрены выше. Сокращения финансирования Управления по охране окружающей среды [21], Организации по охране труда [22] и Комиссии по ценным бумагам и биржам [23] также вызвали волну негодования в связи с необъективностью контроля деятельности корпорации в рамках полномочий этих агентств.

Второй тип дерегулирования предполагает фактическое дублирование правил. Это явление широко распространено в рамках регуляторной системы. Законы, принятые для защиты государственных интересов от корпоративных правонарушений, получают обратный ход и иногда вообще отменяются. Самый яркий пример этой опасной тенденции — фиаско *Enron*.

Когда 7 декабря 2000 года по всей Калифорнии погас свет (подобное повторится за последующие шесть меся-

цев еще почти 40 раз и нанесет серьезный урон как штату, так и его жителям), никто и не подозревал, что основная вина за произошедшее лежала на корпорации *Enron*. Многие решили, что причиной внезапной нехватки электроэнергии стало чрезмерное регулирование, поэтому в качестве решения было предложено провести дерегулирование. “Если существует какое-либо положение природоохранительного законодательства, не позволяющее Калифорнии работать на полную мощность (я понимаю, что такое вполне возможно), — заявил вновь избранный президент Джордж Буш в январе 2001 года, — значит, нам нужно смягчить положения законодательства” [24]. Республиканец, член сената Фил Грамм, еще один техасец, обвинил в катастрофе “тех, кто ценит экстремистские проявления движения по защите окружающей среды и протекционизм между штатами больше, чем здравый смысл и рыночную свободу” [25].

Как оказалось на самом деле, причиной масштабной аварии системы электроснабжения была весьма успешная и к тому же очень дорогая кампания *Enron*, направленная на минимизацию правительственного контроля за работой компании [26].

Если разобраться в сути, то история *Enron* — это история корпорации, которая прибегла к политическому воздействию для сокращения правительственных ограничений своей работы, а затем воспользовалась полученной свободой для проведения сомнительных, хотя и весьма выгодных в финансовом отношении операций. В 1990-х годах компания и ее руководители, преимущественно бывший исполнительный директор Кеннет Лей, вложили огромные суммы в политику, чтобы способствовать превращению простой конвейерной организации в мощную компанию по снабжению электроэнергией. В результате успешного лоббирования, направленного на дерегулирование рынка электроэнергии в нескольких штатах — среди них и Калифорния, — организация развернула кампанию по дерегулированию торговли фьючерсами в сфере энергетики.

В начале 1990-х годов *Enron* и ряд других энергетических компаний решили освободить себя от соблюдения положений Закона товарной биржи, предполагающего, что торговцы электроэнергией должны подавать информацию о своих предстоящих контрактах в Комиссию по фьючерсной торговле товарами (КФТТ), агентство, следящее за соблюдением закона. Уже через неделю после того, как Билл Клинтон выиграл у Джорджа Буша президентские выборы 7 ноября 1992 года, компании подали петицию в КФТТ, возглавляемую в то время Венди Грамм, с просьбой исключить из полномочий организации контроль за работой энергетических компаний. Грамм, в тот момент, как и другие сотрудники администрации проигравшего Буша, дожидавшаяся назначения своего преемника, чтобы сложить с себя полномочия, оказалась в двойном положении — ее муж, сенатор Техаса Фил Грамм, был одним из крупных политиков, лоббировавших политические интересы *Enron*. Она подала петицию на рассмотрение комитета, члены которого в январе 1993 года решили вопрос общим числом голосов 2 против 1 в пользу *Enron* и других просителей. В результате торговля энергетическими фьючерсами более не входила в компетенцию КФТТ.

“Возник опасный прецедент”, — сказала в свое время Шейла Блер, единственный инакомыслящий человек во всей комиссии. Это было “самое безответственное решение, с которым мне только доводилось сталкиваться”, — говорит конгрессмен Глен Инглиш, “ветеран” Лондонской фондовой биржи с 18-летним стажем и член подкомитета, занимавшегося руководством подразделения Грамм. Через шесть дней после официального объявления о решении, в день, когда вступил в должность Билл Клинтон, Венди ушла из комитета. Спустя пять недель ее назначили членом совета директоров копропации *Enron* [27].

Несмотря на принятие решения комиссии Грамма об освобождении от проверки КФТТ, торговцы в сфере энергетики все еще обязаны были по закону заключать торговые сделки на регламентированных торгах, например на

Нью-Йоркской товарной бирже. Поскольку информация с торгов (цены, масштабы продаж и т.п.) передавалась сотрудникам регуляторного органа, трейдеры масштаба *Enron* по-прежнему оставались под строгим надзором. *Enron* принялась решать эту проблему в 1999 году, потратив более 1 миллиона долларов на лоббирование вопроса об аннулировании требований к проведению торгов. Это был серьезный вызов со стороны компании, поскольку Президентская рабочая группа по ситуации на финансовом рынке буквально накануне приняла решение, что будущее энергетики должно оставаться в сфере регламентированной торговли, потому что если ситуацию изменить, то почти наверняка будут изменения в снабжении и ценах. Однако *Enron* настойчиво отстаивала свою позицию. Это привело к еще большим затратам на лоббирование, однако помощь оказал товарищ компании, сенатор Грамм, который в 2000 году ввел Акт по модернизации товарных фьючерсов, отменявший требования к проведению аукционов. Тогдашний председатель Нью-Йоркской товарной биржи, Дэниел Раппапорт, отмечал, что “если бы этот закон был представлен на обсуждение в палате законодательного органа, он никогда не был бы принят”. Законопроект без дела пролежал в Сенате, однако затем был принят Конгрессом вместе с законопроектом об ассигнованиях, после того как сенатор Грамм внес его на повторное рассмотрение под другим номером и названием. Законопроект был подписан тогдашним президентом Клинтоном, завершающим последний срок на своем посту, 21 декабря 2000 года [28].

Enron одержала победу. Теперь она могла проводить торги в собственных торговых залах, вдалеке от тщательного правительственного контроля и пытливого взора общественности. Она в полной мере воспользовалась преимуществами новообретенной свободы и поставила перед собой цель — манипулировать рынком энергоносителей штата Калифорния. В результате серии безумных проектов, разрушительный характер которых прослеживается даже в их названиях, используемых внутри самой

корпорации *Enron* — “Звезда смерти”, “Недомерок” и “Толстяк”, — компания создала искусственный дефицит электроэнергии, вследствие которого цены на электричество а соответственно, и ее прибыль, выросли до заоблачных размеров. В течение шести месяцев после подписания президентом Акта по модернизации товарных фьючерсов в Калифорнии было 38 случаев отключения электроэнергии. Тогда как за период от энергетического кризиса, случившегося в мае 2000 года, и до принятия закона был только один случай отключения электроэнергии. Как отмечается в заявлении организации *Public Citizen*, основанной Ральфом Надером, “Закон по сокращению объема вмешательства государства в экономику, поданный Филом Граммом, позволил компании *Enron* получить контроль над электроснабжением в штате Калифорния, прикарманить миллиарды долларов на дополнительной выручке, вынудить жителей Калифорнии сидеть сотни часов без света и при этом оплачивать бешеные счета за электроэнергию”.

19 июня 2001 года кризис подошел к концу, когда Федеральная комиссия по управлению энергетикой ввела строгие меры по контролю рынка энергетических услуг. Цена на энергоносители снизилась более чем на 80 %, и *Enron*, рассчитывавшая на то, что цены останутся высокими, и не ожидавшая такого поворота событий, при котором будет положен конец манипуляциям рыночными ценами, осталась с миллиардными контрактами на руках, которые стоили теперь в несколько раз меньше, чем в них было вложено. Компания несла огромные убытки. Потери постоянно росли. Главный исполнительный директор корпорации, Джефф Скиллинг, неожиданно подал в отставку после введения новых мер контроля, и четыре месяца спустя *Enron* объявила о банкротстве. Хотя можно назвать множество факторов, ставших причиной краха *Enron*, правонарушения, совершенные ими в Калифорнии, занимают в этом списке далеко не последнее место.

Наверное, *Enron* проявила исключительный талант, пользуясь оплошностями со стороны правительственного контроля при участии в политических процессах. Однако в целом ее стратегия не нова. Хотя корпорации часто обвиняют в том, что они развращают принципы демократии своими деньгами и влиянием, им не остается ничего другого, кроме как использовать свое влияние для достижения поставленных целей и защиты своих интересов. В силу того, что при следовании нормам снижается уровень производительности, имеет смысл их нарушать. Руководитель, который из принципиальных соображений во благо демократического процесса отказывается прибегать к политическим рычагам, теряет акционеров и отступает от основного постулата корпорации — продвигать свои интересы. Работа руководителя корпорации заключается не в защите принципов демократии, а в умении справляться с ее непостоянным характером и обходить препятствия.

Анна Векслер — один из ведущих лоббистов Вашингтона, федеральный округ Колумбия. Среди ее клиентов — крупнейшие корпорации: *American Airlines*, *General Motors* и *Roche*. Помимо этого, у нее хорошие связи, оставшиеся со времен работы при президенте Клинтоне в отделе по связям с общественностью. Она все еще торжествовала из-за успеха одного из своих клиентов, когда нам удалось взять у нее интервью. “Прошлым вечером, — сказала она, — на заседании Палаты представителей отклонили поправку, принятие которой привело бы к повышению стандартных норм эффективного расхода топлива... Это была победа автомобильной промышленности, в том числе и моего клиента”. Предприниматели автомобильной отрасли опасались, что принятие поправки наложит ограничение на выпуск весьма прибыльных автомобилей, потребляющих много топлива, и вложили миллионы долларов в то, чтобы отстоять свои интересы. Их возражение против принятия поправки было типичным проявлением корпоративного лоббирования. Когда корпорации лоббируют правительство, они, как правило, стремятся предотвра-

титель принятие тех или иных правил. Иногда они стремятся предотвратить принятие новых или более строгих правил (как в случае с автомобильной промышленностью, когда продвигались новые стандарты эффективности использования топлива); иногда они оказывают давление на членов правительства, добиваясь аннулирования, ослабления или сужения масштаба существующих правил (как *Enron* поступила в отношении торговли фьючерсами в сфере энергетики). Корпорации лоббируют свои интересы в правительственных кругах, прежде всего преследуя “оборонительные цели”, как отмечает руководитель института Кейто Уильям Нисканен, “в большинстве случаев в ответ на угрозу их независимости со стороны правительства в виде... принятия новых правил” [29].

Корпорации начали всерьез воспринимать угрозу своей независимости в начале 1970-х годов. К этому времени стало очевидно, что множество правил, разработанных в течение предыдущего десятилетия — так называемые “новые социальные меры”, включающие меры по защите окружающей среды, прав человека и безопасности работников и клиентов, — в значительной степени ограничили их свободу и полномочия, намного больше, чем принятый прежде “Новый курс”. И несмотря на то, что в течение 1960-х годов корпорации не предпринимали никаких мер и лишь наблюдали, как против них восстает общественное мнение и политические силы, они убедились в необходимости оказывать сопротивление. В этот раз не планировался никакой государственный переворот. Напротив, наконец “осознав, что многие решения, принимаемые здесь [в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия], касаются непосредственно чистой прибыли”, как отмечает Векслер, корпорации начали мобилизоваться в политическом отношении. Они стали учреждать офисы в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, и создавать промышленные организации, группы по лоббированию, а также индустриально ориентированные исследовательские научные центры с целью защиты коллективного влияния. “Круглый

стол бизнеса” — весьма влиятельная ассоциация исполнительных директоров ведущих компаний — был создан в 1972 году главами корпораций, исходившими из того мнения, что “производственный сектор в плюралистическом обществе должен играть активную и значимую роль в формировании государственной политики” и что необходимо удостовериться, что “несанкционированное вмешательство правительства в бизнес будет минимальным” [30].

Отношения правительства и коммерческих структур претерпели кардинальные изменения с начала 1970-х годов [31] — времени, когда, как отмечает Нисканен, “лишь некоторые корпорации играли существенную роль в федеральной политике... [и] большинство корпораций не имели офисов и своих лоббистов в Вашингтоне” [32]. На сегодняшний день все ведущие корпорации имеют офисы в американской столице, сотрудничают с множеством промышленных групп, исследовательских центров и лоббистских организаций, представляющих их коллективные интересы.

Еще одно принципиальное изменение, произошедшее во взаимоотношениях между правительством и корпорациями в 1970-х годах, заключается в расширении роли и влияния корпоративных денежных вкладов в избирательную систему. В середине 1970-х годов Верховный суд расширил Первую поправку к конституции касательно корпоративного финансирования выборов — это было решением, дававшим корпорациям возможность практически полностью руководить избирательным процессом [33]. Стремление корпораций финансировать выборы вполне очевидно. Как писал Аристотель в своей работе *Политика*, “Когда для получения определенной должности вкладываются деньги, вполне понятно, что покупатель будет стремиться получить выгоду от сделки” [34]. Или, как добавляет Анна Векслер, “[политику] очень сложно отказать тому, кто вложил сотни тысяч долларов в [его/ее] избирательную кампанию. Поэтому к таким политикам гораздо проще обращаться и легче решать вопросы” [35].

Корпоративное финансирование сейчас очень широко распространено в политической системе и является основной стратегией по оказанию воздействия на правительство. Приведем несколько примеров.

- За период одной только избирательной кампании 2002 года предприятия угольной промышленности вложили в политические кампании около 1,5 миллиона долларов, из которых 1,3 миллиона (84 %) пошло республиканцам. С 1990 года предприятия данной отрасли промышленности потратили примерно 11 миллионов долларов на политические цели, из которых 8,4 миллиона (77 %), опять-таки, — на республиканцев, что, вероятно, поможет объяснить, почему администрация Буша так стремится урезать бюджетное финансирование Департамента охраны труда и здоровья на шахтах [36].
- Корпорации, вложившие деньги в Республиканскую партию и кандидатов-республиканцев, получили в награду большие шансы войти в так называемую *Cheney Task Force* — специальную группу по развитию национальной энергетической политики, созданную президентом Бушем в 2002 году. В период с 1999 по 2002 год *Enron* вложила в работу этой группы более 2 миллионов долларов и заключила четыре контракта; *Southern Company* вложила более 1,5 миллиона долларов и заключила семь контрактов; *Exelon Corporation* вложила около 1 миллиона долларов и заключила шесть контрактов... Серьезные спонсоры получали и другую выгоду. *Chevron*, к примеру, предложила смягчить нормы, регулирующие процедуру получения федерального разрешения на разработку энергетических проектов, а также проектов, связанных с поставками горючего. Оба предложения были приняты целиком и полностью [37].

- В 1999 году Джим Николсон, тогдашний руководитель республиканской партии, обратился к Чарльзу Хеймбольду-младшему, главному исполнительному директору фармацевтической компании *Bristol-Myers Squibb*, с просьбой выделить сумму в размере 250 000 долларов, отметив при этом среди прочего следующее: “Мы должны придерживаться стратегий открытого общения, если хотим и дальше принимать законопроекты, которые дадут вам возможность получать большую прибыль” [38].
- Вложив в ходе избирательной гонки 2001 года более миллиона долларов в кандидатов в Конгресс, большинство из которых были республиканцами, *Eli Lilly and Company* получили выгоду в виде положений Акта о национальной безопасности, защищавших производителей тимеросала — единственным из которых была именно эта компания — от судебных процессов, связанных с вредным воздействием данного препарата. Тимеросал — это консервант на основе ртути, используемый в производстве детских вакцин и способный привести к развитию аутизма у детей. Положение было впоследствии снято в ответ на общественное негодование и политическое давление [39].

Либо путем лоббирования и финансовых вливаний в политику, либо при помощи PR-кампаний, корпорации стремятся оказать влияние на демократические процессы, движимые теми же причинами, что и заговорщики, выступавшие против политики Рузвельта, которые пытались уничтожить его режим. Они хотят таким образом добиться того, чтобы правительство не ограничивало их свободы и не препятствовало их эгоистичным целям. “Крупные корпорации... сделают все возможное, чтобы выжить. А в некоторых случаях это может предполагать поиск особого подхода к членам правительства”, — отмеча-

ет Уильям Нисканен. Деньги, которые они вкладывают в политические процессы, являются частью коммерческих издержек, это вложение, цель которого — создать такое политическое окружение, которое будет способствовать росту прибыли, а значит, помогать выжить. Не имея законного основания тратить вклады своих акционеров без обоснованных гарантий окупаемости, корпорации вкладывают денежные средства в политику по той же причине, по которой делают капиталовложения любого другого рода, — для достижения собственных финансовых интересов, а также финансовых интересов своих владельцев [40].

Однако с общественной точки зрения “мы, — как отмечает Джо Бадаракко, — развиваемся... в сторону создания системы, в которой корпорации оказывают огромное, причем совершенно не пропорциональное влияние на нашу политическую систему”. Принципы демократии предполагают, как минимум, некоторое равенство возможностей для участия в политическом процессе. Тогда как откровенное неравенство является следствием процессов, когда корпорации, располагающие громадными вложениями акционеров, обладают такими же правами в рамках данного процесса, как и отдельные физические лица. Сегодня, предупреждает Роберт Монкс, мы столкнулись с “ситуацией совершенной ненадежности”, мы “крайне близки к кооптации правительства и бизнеса”. “Если мы не отнесемся предельно внимательно к сложившейся ситуации, в которой деловая сфера стремится взять верх над правительственными структурами, — отмечает он, — вполне вероятно, что [парламентский] институт исчезнет как таковой” [41].

Однако многие опытные работники корпораций полагают, что они совершают общественное благо, стремясь повлиять на политические процессы от имени компаний, в которых работают.

“Образовательная работа среди людей” — именно так Анна Векслер описывает суть своей работы по лоббиро-

ванию, которую она выполняет по заказу крупных корпораций. “Члену Конгресса, весьма занятому человеку, очень сложно понять суть каждой из возникающих проблем, — говорит она. — Наша задача состоит в том, чтобы по крайней мере разъяснить людям, которые будут принимать то или иное решение, саму суть проблемы”. Крис Комисаревский, главный исполнительный директор крупной компании по связям с общественностью *Burson-Marsteller*, также считает, что его работа, нацеленная на отмену положений природоохранительного либо любого другого имеющего общественный интерес характера от имени корпоративных клиентов, служит благородной общественной цели: “То, чем мы занимаемся, основывается на уважении к человеку и его праву иметь необходимую информацию для принятия правильного решения... Это честь для любого человека — принять правильное решение, которое, как я полагаю, лежит в основе взаимодействия и, конечно же, характеризует стиль работы *Burston-Marsteller*”.

“Я не думаю, что это так уж нечестно, — продолжает Комисаревский относительно заявления, что корпорации имеют несправедливо полученные привилегии в сфере политики. — Все имеют равные шансы собрать поддержку и могут искать поддержку своей точки зрения с любой стороны... Существует море возможностей помочь людям поддержать их позиции” [42].

Исполнительный директор *Pfizer*, Хэнк Мак-Киннелл, в свою очередь, верит, что совершает благое дело, лоббируя политические интересы компании. “Когда я занимаюсь лоббированием, я стремлюсь изменить стратегию правительства так, чтобы в результате это было выгодно обеим сторонам [*Pfizer* и общественности]”. Что же касается вливаний *Pfizer* в политику, которые Мак-Киннелл называет “весьма скромными; это не баснословные суммы денег, и более того, именно таким образом люди участвуют в национальных политических дебатах”, так они нацелены на принесение блага общественности. “Мы хотим поддержать людей, которые понимают потребности нации и бу-

дут стремиться помочь всем нам... тем, кто сделал правильный выбор... кто умеет мудро участвовать в политических процессах”. Его финансовые вклады в политику, как он говорит, “не приносят никаких доходов”. Считает ли он, что имеет огромное влияние на политические процессы? Нет. “Я совершенно не ощущаю, чтобы я обладал особой властью, — говорит он. — Я могу попытаться повлиять на ход принятия решения, однако это очень длительный процесс” [43].

Однако где же столь востребованные лоббисты-оппоненты, которые будут представлять интересы простых смертных граждан? Где же миллионы долларов, работающих в их пользу? Увы, они напрочь отсутствуют.

Убеждения Векслер, Комисаревского и Мак-Киннелла, касающиеся того, что лоббирование и финансирование политических процессов скорее являются общественными благами, чем проявлением абсолютного влияния на работу правительства, поддерживаются распространенным мнением о правильных отношениях между правительством и предпринимателями. Сегодня, отмечает Векслер, “корпорации глубоко убеждены в том, что они являются партнерами с правительственными структурами... они не враги правительства... Мнение о том, что бизнес предстает в роли жертвы, стирается... Люди начинают понимать, что правительство — это партнер, и с ним нужно сотрудничать... По своей сути отношения правительства и предпринимателей носят симбиотичный характер” [44].

Хэнк Мак-Киннелл из *Pfizer* соглашается. “Ключом на пути к будущему прогрессу является партнерство, — говорит он. — Лучший способ преуспеть практически в любом общественном начинании — поддерживать партнерские отношения. Если вы считаете, что это работа исключительно федерального правительства или правительства штата либо муниципалитета, то вы забываете, что единственное, что на самом деле оказалось действенным, — это партнерство между общественным и частным сектором” [45].

Мнение о том, что правительство и представители бизнес-структур являются партнерами и должны ими быть, уже стало банальным и традиционным, его повторяют, как мантру, лидеры обеих сторон. Оно кажется вполне логичным и безобидным, если не задумываться о том, что же на самом деле означает такое сотрудничество.

Партнеры должны быть равными. Ни один из партнеров не должен обладать большей властью, чем другой, не должен руководить и распоряжаться другим партнером. Партнеры должны иметь единые задачи и преследовать единые цели. Они должны вести совместную работу по решению проблем и разрабатывать совместный курс действий. С другой стороны, демократия носит иерархический характер. Она предполагает, что, выбирая правительство, люди получают власть над корпорациями, возникает неравенство. Они получают полномочия решать, что корпорации могут делать, чего не могут и что просто должны. Если корпорации и правительство на самом деле партнеры, то нам пора побеспокоиться о состоянии нашей демократии, поскольку это означает, что правительство отказалось от своей власти в пользу корпораций [46]. Партнерство между большим бизнесом и правительством — это именно та цель, которую преследовали участники заговора 1934 года. Они хотели, чтобы Смедли Батлер, представляющий интересы большого бизнеса, стал “партнером” Франклина Рузвельта в сфере управления Соединенными Штатами Америки, заняв должность секретаря по общим вопросам или помощника президента и воспользовавшись своим положением, расширил свои полномочия и установил диктатуру. Сегодня корпорации поддерживают демократическое правительство примерно так же, как заговорщики планировали, чтобы Смедли Батлер поддерживал Рузвельта. Их руководители считают, что у них как у партнеров правительства есть законные основания руководить обществом.

В результате получается, что правительство играет менее существенную роль в руководстве работой корпораций. Управляя общественными интересами вместе со своими

правительственными партнерами, корпорации должны получить свободу самоуправления. По крайней мере, такой позиции придерживаются сторонники дерегулирования. “Хотя некоторые правила и необходимы для контроля над соблюдением определенных — минимальных — стандартов, — говорит Хэнк Мак-Киннелл из *Pfizer*, — в большинстве случаев наилучшие образцы работы корпораций выходят далеко за рамки правительственных ограничений. Более того, можно привести массу примеров, когда чрезмерное вмешательство в работу компаний наносит вред ее работе”. Сейчас корпорации могут сами регулировать свою работу, как отмечает Дуглас Г. Пинкам, президент Совета по связям с общественностью, г. Вашингтон, федеральный округ Колумбия. И им следует “предоставлять свободу в решении вопросов [к примеру, связанных с рабочей силой или окружающей средой] конструктивным способом, который, возможно, не должен регулироваться правительственными постановлениями, а представляет собой собственную систему правил”. Аналогично высказывается и Джон Браун и из *BP*, возмущенный тем, что в Европе “по-прежнему бытует мнение, что решение всех проблем лежит в соблюдении постановлений и контроле”, и даже в Соединенных Штатах Америки большинство людей, согласно опросу, считают, что “работу компаний необходимо контролировать, нельзя возлагать на них полную ответственность за все их действия”. На сегодняшний день “постановления, централизованный контроль — это не то направление, по которому идет развитие, — говорит другой нефтепромышленник, Джим Грей. — Мы должны нести ответственность и не использовать в собственных корыстных интересах ситуацию” [47].

Как бы там ни было, весь бизнес построен на использовании ситуации в собственных интересах. Корпоративная социальная ответственность — это оксюморон, как я попытался доказать выше, равно как и бытующее мнение, что корпорации вместе со своими партнерами в лице правительственных структур могут представлять обще-

ственные интересы. Корпорации преследуют только одну-единственную цель — отстаивать собственные интересы и интересы своих владельцев. Они не пара, равно как их высокопоставленные руководители не имеют власти, чтобы поступать, руководствуясь искренним чувством ответственности за общество, чтобы стремиться не нанести ущерба людям и окружающей среде, чтобы работать на общественное благо в ущерб собственным корыстным интересам. Поэтому в основе дерегулирования лежит предпосылка, что корпорации будут соблюдать общественные интересы и принимать меры по защите окружающей среды, если правительство не будет оказывать на них давление в этом отношении. Никто ведь всерьез не предложит отменить законы, запрещающие убийства и оскорбления только потому, что люди общественно сознательны и могут сами себя контролировать. Однако нас при этом хотят почему-то убедить, что корпорации — структуры по природе своей психопатичные, у которых практически отсутствуют моральные принципы и которые имеют власть и мотивы наносить вред миру и разорять его — можно оставить в покое и позволить им осуществлять самоконтроль.